

Медленное чтение и интерпретация текста: за и против

В свое время Б. В. Томашевский доказывал несостоятельность метода медленного чтения, разработанного Гершензоном и апробированного им применительно к произведениям Пушкина. При медленном чтении нарушается ритм стихотворной речи; фраза отягощается смыслами, которые не вытекают из контекста; возникают субъективные паразитические ассоциации, не являющиеся результатом взаимодействия автора и читателя; «упаковочный материал» выдвигается на первый план, что приводит к переоценке слов и перегрузке значений; устанавливаются фиктивные корреляции между внешне схожими элементами художественных произведений; переоцениваются вторичные признаки; эстетический объект подменяется психологическим: вместо изучения художественного значения произведения анализируется психологическая личность автора; искажается соразмерность частей произведения, что может превратить прозрачное произведение в ребус, загадочную картинку (Томашевский Б. В. Интерпретация Пушкина // Томашевский Б. В. Пушкин. Работы разных лет. – М, 1990. С. 64–70. С. 64–70). Но произведения Пушкина при всей ясности мысли и определенности формы, как отмечает другой известный пушкинист Б. Т. Удодов, «не подлежат

Нет идеального метода изучения художественного текста, каждый из них имеет свою сильную и слабую стороны. Определенная доля субъективности присутствует в любом научном исследовании, особенно художественных произведений, на которое неизбежно наслаивается отпечаток мировосприятия и самого исследователя. И все же метод медленного чтения имеет много достоинств. Только путем медленного, внимательного, неоднократного прочтения текста вдумчивый читатель может проникнуть в его изобразительное пространство (город, село, «вещный» мир, быт, занятия, досуг, развлечения, пейзажные структуры, соотношения хронотопа и исторического времени) и знаковое (язык, универсальные приемы изобразительности и выразительности, символы, мифологемы), персонажный слой, мир авторских ощущений и пр. Медленное чтение приводит к выявлению повторяющегося цитатного слоя текста, но каждый повтор раскрывает некий новый аспект в фрагментах и сам факт повтора свидетельствует об особой их роли в смысловом целом текста. Медленное чтение помогает проникнуть во внетекстовое историческое пространство. Продуктивность метода медленного чтения при изучении художественных текстов подтверждена прекрасными работами В. Н. Топорова и его учеников. входят в семантику и образную структуру произведения тон и фон культурного пространства авторской картины мира.

Произведения Пушкина, как «вечно живущие и движущиеся явления» имеют длительную историю интерпретации. Но всегда представляется возможность додумать, домыслить, почувствовать, пушкинский текст, т. к.

его магия вводит любителя медленного чтения в область рационального и эстетического наслаждения, не смотря на то что Б. В. Томашевский считал недопустимым применять метод медленного чтения к произведениям Пушкина, «оперировать» с ними «как с иносказаниями», потому что поэт не прятал своей мысли, добивался исключительной ясности. «Пушкина надо читать, не мудрствуя лукаво» (с. 73–74).

Противоречивые сведения о времени написания стихотворения и его появления в Сибири и ответе А. Одоевского содержатся в воспоминаниях самих декабристов и их ближайшего окружения. В «Записках» М. Н. Волконской сообщается о том, что А. С. Пушкин передал стихотворение А. Муравьевой и именно на него А. Одоевский написал свой ответ. Д. Н. Завалишин писал о событиях, связанных с посланием в Сибирь, что А. С. Пушкин совершенно не хотел «производить сильное возбуждение революционного чувства» и «поразить у некоторых легковверных ... несбыточные надежды» на то, «в самом деле братья меч им отдадут» (Фомичев, с 183) и даже посылал толкование в стихотворении «О чем, приятель, ты хлопчешь!», что он не призывал в послании в Сибирь «к крайним революционным мерам» (Фомичев, 186). И, следовательно, строку *И братья меч вам отдадут* нельзя понимать как призыв к революционным событиям, и князь А. Одоевский неправильно понял смысловую направленность стихотворения А. С. Пушкина, в котором полностью отсутствует революционная риторика, пронизывающая ответ декабриста (*К мечам рванулись наши руки; В душе смеется над царями; Из искры возгорится пламя; И просвещенный наш народ Сберется под святое знамя; Мечи скуем мы из цепей И пламя вновь зажжем свободы. Она нагрянет на царей, И радостно вздохнут народы*) (Одоевский А. Струн вещих пламенные звуки // Поэты пушкинской поры. М.-Л., 1949. С. 194).

Неоднозначным является понимание стихотворения, более того, в некоторых своих фрагментах оно является загадочным. Пушкинысты выделяли в содержании два основных смысловых блока – смысловое ядро призыва к революционному преобразованию страны и нравственно-этическое, милосердное, поступательное движение общества. Революционное прочтение стихотворения нашло свой отклик в известном ответе А. И. Одоевского и активно поддерживалось многими советскими исследователями, видевшие революционные мотивы и ассоциации с французской революцией 1789 г. (В. Рождественский, М. В. Нечкина, М. Альтшулер, И. И. Мартынова и др.). По мере приближения ко времени смены идеологической парадигмы постсоветского общества происходит и смена интерпретации стихотворения Пушкина. Исследователи начинают видеть в нем не революционные мотивы, а общечеловеческие, духовные. В нем стали видеть «поразительно верные оценки исторического значения всего декабрьского движения (Б. П. Городецкий), «эмоциональную солидарность с жертвами правящего террора» (Ю. М. Лотман), «утверждение высших человеческих ценностей» (Е. А. Маймин), верности своим идеалам,

высокому завету назначения поэта (С. А. Фомичев), идея милосердного освобождения депкабристов (В. С. Непомнящий).

Стихотворение А. С. Пушкина включает слова, относящиеся к нравственной и эмоциональной сферам жизни человека. В основе композиции стихотворения выявляются структурообразующие оппозиции: «я – вы» (*мой свободный глас – храните; ваш... труд до вас дойдут; Вас примет; вам отдадут*), «свобода – отсутствие свободы» (*свободный глас; свобода вас примет – мрачное подземелье; каторжные норы; мрачные затворы, оковы тяжкие, темницы*). Оно пронизано чувством соборности, единения поэта с заключенными декабристами, понимания их трагического состояния. Все стихотворение пронизано этическими и христианскими мотивами (*терпенье, скорбный труд, высокое стремление, радость, веселье, любовь, дружество, надежда свобода, братья*). Выпадает из христианского мироощущения эпитет *гордое*, но, по-видимому, *гордое терпение* имеет значение «терпеть, сохраняя честь, чувство собственного достоинства». При таком понимании определяющий компонент не входит в противоречие с христианской семантикой. Самым удивительным является тот факт, что лексический состав стихотворения, за исключением нескольких слов, относится к высокочастотным регистрам лексического словаря Пушкина. Они входят в концептосферу поэта как важные ее составляющие. В этом совершенно уникальном стихотворении происходит полное наложение образа мира отдельного текста на образ мира гениального поэта. Всего в стихотворении насчитывается 65 слов, из них 45 полнозначительных (без повторов), 13 служебных. Слова, выполняющие в тексте номинальную функцию, с учетом данных Словаря языка Пушкина располагаются следующим образом: *вы, ваш, мой, любовь* (630), *пора* (437), *придти* (309), *принять* (300), *труд* (249), *надежда* (247), *верный* (218), *радость* (183), *свобода* (183), *высокий* (153), *мрачный* (136), *меч* (133), *сестра* (133), *дума* (129), *пасть* (125), *глас* (96), *хранить* (95), *веселье* (93, *веселый* 196, *веселость* 42), *свободный* (88), *несчастье* (87), *пропасть* (66), *тяжкие* (62), *глубина* (49), *терпенье* (37), *разбудить* (37), *дойти* (36), *оковы* (33), *братья* (33), *темница* (32), *вход* (25), *стремление* (23), *дружество* (23, *дружба* 132), *желанный* (21), *отдать* (17), *сибирские* (16), *радостно* (10), *каторжный* (6), *нора* (6), *подземелье* (3), *затворы* (3), *рухнуть* (2). Таким образом, «упаковочный материал» стихотворения на лексическом уровне включает его в ядро словаря поэта. И можно говорить, что о том оно было слишком значимым для выражения внутреннего мира поэта, его ценностей, определяющих гармоническое мироощущение русского гения: *любовь – свобода – труд – дружество – надежда – радость – веселье – высокое стремление*. Это стихотворение обладает не только высоким нравственным потенциалом на уровне смысла, но и высочайшей степенью выразительности, которая не воспринимается при быстром чтении текста. Его языковая форма вся пронизана тропами, прежде всего метафорами разного типа и метонимиями: *во глубине руд* (глубина залегания руд – глубина руд), *сибирских руд* (руды, находящиеся в Сибири – сибирские руды), *храните*

терпенье, гордое терпенье (терпенье гордых людей – гордое терпенье), *не пропадет труд* (результаты труда – труд), *скорбный труд* (труд скорбных людей – скорбный труд), *стремленье дум, высокое стремленье, желанная пора* (пора, которую желают – желанная пора), *мрачные затворы, мрачное подземелье, каторжные норы* (метонимия и метафора). Далее можно отметить персонифицированные образы: *Несчастью верная сестра, Надежда в мрачном подземелье Разбудит радость и веселье; Любовь и дружество дойдут; свобода вас примет радостно у входа*. В последней строке возникает загадочный образ меча, который братья отдадут освобожденным. Слово *меч* является высокочастотным в словаре Пушкина, употребляется преимущественно в поэтических текстах в следующих значениях: 1) Старинное холодное оружие в виде обоюдоострого длинного прямого ножа с рукояткой; 2) Перен., как символ боевого оружия вообще; 3) То же, как символ сражения, битвы, войны; 4) То же, как символ насилия, уничтожения (СЯП, М. 1957, Т. 2., С.571–572).

Стихотворение Пушкино «Во глубине сибирских руд» известно широкому кругу читателей. Долгие годы оно входит в программу школьного образования, что уже является предпосылкой его вхождения в духовную матрицу носителей русской культуры. Между тем, по справедливому замечанию С. А. Фомичева, история этого стихотворения «крайне запутанна» (Фомичев С. А. О стихотворении Пушкина «Во глубине сибирских руд» // Вопросы литературы, 1989, №2, с. 183). Оно не было напечатано при жизни Пушкина, не сохранился и его автограф. Наиболее авторитетным из 22 сохранившихся списков стихотворения является список И. И. Пущина, написанный его рукою, который лег в основу изданий. Впервые опубликовано Герценом в «Полярной звезде» в 1856 г. в Лондоне, в России – в 1874 г., вошло в собрание сочинений Пушкина, начиная с 1880 г. Общеизвестным считается время написания стихотворения декабрь 1826 г. Пушкин передал его А. Г. Муравьевой, ехавшей в начале 1827 г. в ссылку к мужу, для передачи сосланным.

Нет единого мнения о времени написания стихотворения «Во глубине...» (конец 1826, начало 1827 или 1830-е годы); о времени появления его в Сибири (1827 или 1834 г.); о том, какое послание передал Пушкин вместе с поэмой «Цыганы» и главой «Евгения Онегина», – «Во глубине сибирских руд» или «Мой первый друг, мой друг бесценный», адресованное И. И. Пущину; привезла стихотворение А. Муравьева в рукописи или в печатном виде, предварительно издав его перед поездкой в Сибирь, как утверждает Пушкинская энциклопедия 1999 г.; было ли стихотворение А. Одоевского ответом на послание «Во глубине...» или оно возникло на основе ассоциативных образов виньетки на обложке «Цыган» с изображением разорванных цепей, кинжала, опрокинутой чаши с обвившейся змеей; было ли написано наиболее интригующее слово *меч* в оригинале стихотворения или дописано позже, как утверждал С. А. Соболевский; было ли Пушкиным написано стихотворение «О чем, приятель, ты хлопчешь!» с объяснением того, как нужно понимать смысл стихотворения «Во глубине...», как об этом

вспоминает Д. И. Завалишин, или нет? Эти многочисленные вопросы, связанные с историей стихотворения «Во глубине...» возникают на основании противоречивых сведений о времени написания стихотворения и обстоятельствах появления его в Сибири в воспоминаниях декабристов и их ближайшего окружения. Анализ свидетельств современников Пушкина о стихотворении «Во глубине...» привело С. А. Фомичева к написанию полемической статьи, в которой он выстраивает цепь событий, связанных с историей стихотворения: в мае 1827 г. вместе с поэмой «Цыганы» и книгами пересылает стихотворение «Мой первый друг, мой друг бесценный» — основанием для написания стихотворения «Струн вещих пламенные звуки» А. И. Одоевским послужил образный ряд виньетки на обложке «Цыган» — стихотворение А. И. Одоевского доходит до Пушкина не ранее 1829 г., может быть, даже в устной передаче — в 1830-е г. Пушкин пишет ответ на стихотворение А. И. Одоевского, «переосмыслив строку «Мечи скуем мы из оков», возможно, в пору Болдинской осени или еще позже, в 1834 г. — следствием того, что послание «Во глубине...» дошло в Сибирь гораздо позже совершившихся событий, в памяти декабристов закрепляется легенда о том, что в 1827 г. было послано не стихотворение «Мой первый друг...», а «Во глубине...» — в 1856 г. А. И. Герцен публикует «Во глубине...», годом позже выходит как анонимное стихотворение А. И. Одоевского «Струн вещих...». Многочисленные списки с герценовских публикаций закрепляют обратную связь послания и ответа (Фомичев, 185). Смелая версия С. А. Фомичева не нашла поддержки у пушкинистов, но она раскрывает многие загадочные моменты в истории стихотворения Пушкина.

Интерпретация текста читателем, его декодирование и осмысление на идеальном уровне является нереальным, т. к. автор и читатель, даже живущие в одном временном срезе и пользующиеся одним естественным языком, не обладают «тождественным кодом»: у них не совпадает языковой опыт, объем языковой памяти, по разному проявляется активность речевой деятельности. Расхождение еще более усиливается, если время создания текста и его восприятия разделяется рамками, разводящими автора и читателя по разным культурным традициям и периодам языкового развития (Лотман Ю. М. Текст как смыслопорождающее устройство // Ю. М. Лотман Семиосфера. СПб.: Искусство, 2000. С. 157, 164)

С. А. Фомичев: Пушкин не отступал от высокого завета о назначении поэта, развивая в «Пророке», подчеркивая верность своим идеалом в стихотворении «Орион», «Во глубине сибирских руд» (Фомичев С. А. Пушкин Александр Сергеевич // Русские писатели. Библиографический словарь. М.: Просвещение, 1990, с. 177. Т. 2.).

Вызывает некоторое недоумение, почему это стихотворение, поражающее глубиной смысла и филигранной художественной формой, «языковой упаковкой», не анализируется в классических работах пушкинистов. Возникает чувство некоторой недоговоренности. Стихотворение не упоминается Б. В. Томашевским в работе, посвященной исследованию лирики Пушкина (Томашевский Б. В. Пушкин. Работы разных

лет. М., 1999). Ю. М. Лотман в своем классическом исследовании «Александр Сергеевич Пушкин. Биография писателя» (1991) ограничивается только следующим соображением: Основным вопросом, требовавшим осмысления, были итоги декабристского движения. Первой и непосредственной реакцией явилось чувство эмоциональной солидарности с жертвами правительственного террора. Пушкин не переставал подчеркивать свою озабоченность судьбой декабристов и не боялся неоднократно напоминать о них царю. 26 декабря 1826 г. на вечере у Зинаиды Александровны Волконской – хозяйки аристократического салона, который был своеобразным культурным очагом в последекабрьской Москве, – Пушкин встретился с отправлявшейся в Сибирь за мужем Марией Волконской. Позже она вспоминала: «Во время добровольного изгнания нас, жен сосланных в Сибирь, он был полон самого искреннего восхищения: он хотел мне передать мне свое «Послание к узникам» («Во глубине сибирских руд») для вручения им, но я уехала в ту же ночь, и он передал его Александре Муравьевой (Лотман Ю. С. Александр Сергеевич Пушкин. Биография писателя. Статьи и заметки 1960–1990.»Евгений Онегин²: комментарии. СПб.: Искусство, 1995). Е. А. Маймин: «Послание в Сибирь» заставляет вспомнить раннюю вольнолюбивую лирику Пушкина, оно написано в духе первого послания Пушкина к Чаадаеву. Точно литым, полнозвучным поэтическим словом оно утверждает высшие человеческие ценности: «высокое стремление дум», «гордость», «любовь и дружество», «свободу». Пушкин никогда не изменял своим высоким верованиям и своим друзьям, которые сделались мучениками свободы (Маймин Е. А. Пушкин. Жизнь и творчество. М.: Наука, 1982, с 124).

При жизни автора напечатано не было. Автографа не сохранилось. Из всех указанных списков стихотворения (22) наиболее авторитетным признается список, принадлежащий И. И. Пущину, который положен в основу изданий. Опубликовано за границей в 1856 г., полностью в России в 1874 г. в собрание сочинений Пушкина входит, начиная с первого издания 1880 (Пушкин. М., 1999. т. 3, кн. 2, с. 1137–1139).

Стихотворение обращено к сосланным на каторгу в Сибирь декабристам. Было напечатано в начале 1827 г.. А. Г. Муравьевой, отправлявшейся к мужу Н. М. Муравьеву в Сибирь. На послание Пушкина отвечал поэт-декабрист А. И. Одоевский. При жизни Пушкина ответ не печатался. (Пушкинская энциклопедия. М.: Изд-во АСТ, 1999, с. 689–690).

Л. Г. Мощенская (г. Минск)

Медленное чтение и интерпретация текста: за и против

В свое время Б. В. Томашевский доказывал несостоятельность метода медленного чтения, разработанного Гершензоном и апробированного им

применительно к произведениям Пушкина. При медленном чтении нарушается ритм стихотворной речи; фраза отягощается смыслами, которые не вытекают из контекста; возникают субъективные паразитические ассоциации, не являющиеся результатом взаимодействия автора и читателя; «упаковочный материал» выдвигается на первый план, что приводит к переоценке слов и перегрузке значений; устанавливаются фиктивные корреляции между внешне схожими элементами художественных произведений; переоцениваются вторичные признаки; эстетический объект подменяется психологическим: вместо изучения художественного значения произведения анализируется психологическая личность автора; искажается соразмерность частей произведения, что может превратить прозрачное произведение в ребус, загадочную картинку (Тмашевский Б. В. Интерпретация Пушкина // Томашевский Б. В. Пушкин. Работы разных лет. – М., 1990. С. 64–70). Но произведения Пушкина при всей ясности мысли и определенности формы, как отмечает другой известный пушкинист Б. Т. Удодов, «не подлежат

Нет идеального метода изучения художественного текста, каждый из них имеет свою сильную и слабую стороны. Определенная доля субъективности присутствует в любом научном исследовании, особенно художественных произведений, на которое неизбежно наслаивается отпечаток мировосприятия и самого исследователя. И все же метод медленного чтения имеет много достоинств. Только путем медленного, внимательного, неоднократного прочтения текста вдумчивый читатель может проникнуть в его изобразительное пространство (город, село, «вещный» мир, быт, занятия, досуг, развлечения, пейзажные структуры, соотношения хронотопа и исторического времени) и знаковое (язык, универсальные приемы изобразительности и выразительности, символы, мифологемы), персонажный слой, мир авторских ощущений и пр. Медленное чтение приводит к выявлению повторяющегося цитатного слоя текста, но каждый повтор раскрывает некий новый аспект в фрагментах и сам факт повтора свидетельствует об особой их роли в смысловом целом

Противоречивые сведения о времени написания стихотворения и его появления в Сибири и ответе А. Одоевского содержатся в воспоминаниях самих декабристов и их ближайшего окружения. В «Записках» М. Н. Волконской сообщается о том, что А. С. Пушкин передал стихотворение А. Муравьевой и именно на него А. Одоевский написал свой ответ. Д. Н. Завалишин писал о событиях, связанных с посланием в Сибирь, что А. С. Пушкин совершенно не хотел «производить сильное возбуждение революционного чувства» и «поразить у некоторых легковверных ... несбыточные надежды» на то, «в самом деле братья меч им отдадут» (Фомичев, с 183) и даже посылал толкование в стихотворении «О чем, приятель, ты хлопчешь!», что он не призывал в послании в Сибирь «к крайним революционным мерам» (Фомичев, 186). И, следовательно, строку

И братья меч вам отдадут нельзя понимать как призыв к революционным событиям, и князь А. Одоевский неправильно понял смысловую направленность стихотворения А. С. Пушкина, в котором полностью отсутствует революционная риторика, пронизывающая ответ декабриста (*К мечам рванулись наши руки; В душе смеется над царями; Из искры возгорится пламя; И просвещенный наш народ Сберется под святое знамя; Мечи скуем мы из цепей И пламя вновь зажжем свободы. Она нагрянет на царей, И радостно вздохнут народы*) (Одоевский А. Струн вещих пламенные звуки // Поэты пушкинской поры. М.-Л., 1949. С. 194).

Неоднозначным является понимание стихотворения, более того, в некоторых своих фрагментах оно является загадочным. Пушкинысты выделяли в содержании два основных смысловых блока – смысловое ядро призыва к революционному преобразованию страны и нравственно-этическое, милосердное, поступательное движение общества. Революционное прочтение стихотворения нашло свой отклик в известном ответе А. И. Одоевского и активно поддерживалось многими советскими исследователями, видевшие революционные мотивы и ассоциации с французской революцией 1789 г. (В. Рождественский, М. В. Нечкина, М. Альтшулер, И. И. Мартынова и др.). По мере приближения ко времени смены идеологической парадигмы постсоветского общества происходит и смена интерпретации стихотворения Пушкина. Исследователи начинают видеть в нем не революционные мотивы, а общечеловеческие, духовные. В нем стали видеть «поразительно верные оценки исторического значения всего декабрьского движения (Б. П. Городецкий), «эмоциональную солидарность с жертвами правящего террора» (Ю. М. Лотман), «утверждение высших человеческих ценностей» (Е. А. Маймин), верности своим идеалам, высокому завету назначения поэта (С. А. Фомичев), идея милосердного освобождения депкабристов (В. С. Непомнящий).

Стихотворение А. С. Пушкина включает слова, относящиеся к нравственной и эмоциональной сферам жизни человека. В основе композиции стихотворения выявляются структурообразующие оппозиции: «я – вы» (*мой свободный глас – храните; ваш... труд до вас дойдут; Вас примет; вам отдадут*), «свобода – отсутствие свободы» (*свободный глас; свобода вас примет – мрачное подземелье; каторжные норы; мрачные затворы, оковы тяжкие, темницы*). Оно пронизано чувством соборности, единения поэта с заключенными декабристами, понимания их трагического состояния. Все стихотворение пронизано этическими и христианскими мотивами (*терпенье, скорбный труд, высокое стремление, радость, веселье, любовь, дружество, надежда свобода, братья*). Выпадает из христианского мироощущения эпитет *гордое*, но, по-видимому, *гордое терпение* имеет значение «терпеть, сохраняя честь, чувство собственного достоинства». При таком понимании определяющий компонент не входит в противоречие с христианской семантикой. Самым удивительным является тот факт, что лексический состав стихотворения, за исключением нескольких слов, относится к высокочастотным регистрам лексического словаря Пушкина.

Они входят в концептосферу поэта как важные ее составляющие. В этом совершенно уникальном стихотворении происходит полное наложение образа мира отдельного текста на образ мира гениального поэта. Всего в стихотворении насчитывается 65 слов, из них 45 полнозначительных (без повторов), 13 служебных. Слова, выполняющие в тексте номинальную функцию, с учетом данных Словаря языка Пушкина располагаются следующим образом: *вы, ваш, мой, любовь* (630), *пора* (437), *прийти* (309), *принять* (300), *труд* (249), *надежда* (247), *верный* (218), *радость* (183), *свобода* (183), *высокий* (153), *мрачный* (136), *меч* (133), *сестра* (133), *дума* (129), *пасть* (125), *глас* (96), *хранить* (95), *веселье* (93), *веселый* (196), *веселость* (42), *свободный* (88), *несчастье* (87), *пропасть* (66), *тяжкие* (62), *глубина* (49), *терпенье* (37), *разбудить* (37), *дойти* (36), *оковы* (33), *братья* (33), *темница* (32), *вход* (25), *стремление* (23), *дружество* (23), *дружба* (132), *желанный* (21), *отдать* (17), *сибирские* (16), *радостно* (10), *каторжный* (6), *нора* (6), *подземелье* (3), *затворы* (3), *рухнуть* (2). Таким образом, «упаковочный материал» стихотворения на лексическом уровне включает его в ядро словаря поэта. И можно говорить, что о том оно было слишком значимым для выражения внутреннего мира поэта, его ценностей, определяющих гармоническое мироощущение русского гения: *любовь – свобода – труд – дружество – надежда – радость – веселье – высокое стремление*. Это стихотворение обладает не только высоким нравственным потенциалом на уровне смысла, но и высочайшей степенью выразительности, которая не воспринимается при быстром чтении текста. Его языковая форма вся пронизана тропами, прежде всего метафорами разного типа и метонимиями: *во глубине руд* (глубина залегания руд – глубина руд), *сибирских руд* (руды, находящиеся в Сибири – сибирские руды), *храните терпенье, гордое терпенье* (терпенье гордых людей – гордое терпенье), *не пропадет труд* (результаты труда – труд), *скорбный труд* (труд скорбных людей – скорбный труд), *стремление дум, высокое стремление, желанная пора* (пора, которую желают – желанная пора), *мрачные затворы, мрачное подземелье, каторжные норы* (метонимия и метафора). Далее можно отметить персонифицированные образы: *Несчастью верная сестра, Надежда в мрачном подземелье Разбудит радость и веселье; Любовь и дружество дойдут; свобода вас примет радостно у входа*. В последней строке возникает загадочный образ меча, который братья отдадут освобожденным. Слово *меч* является высокочастотным в словаре Пушкина, употребляется преимущественно в поэтических текстах в следующих значениях: 1) Старинное холодное оружие в виде обоюдоострого длинного прямого ножа с рукояткой; 2) Перен., как символ боевого оружия вообще; 3) То же, как символ сражения, битвы, войны; 4) То же, как символ насилия, уничтожения (СЯП, М. 1957, Т. 2., С.571–572).

Стихотворение Пушкино «Во глубине сибирских руд» известно широкому кругу читателей. Долгие годы оно входит в программу школьного образования, что уже является предпосылкой его вхождения в духовную матрицу носителей русской культуры. Между тем, по справедливому

замечанию С. А. Фомичева, история этого стихотворения «крайне запутанна» (Фомичев С. А. О стихотворении Пушкина «Во глубине сибирских руд» // Вопросы литературы, 1989, №2, с. 183). Оно не было напечатано при жизни Пушкина, не сохранился и его автограф. Наиболее авторитетным из 22 сохранившихся списков стихотворения является список И. И. Пущина, написанный его рукою, который лег в основу изданий. Впервые опубликовано Герценом в «Полярной звезде» в 1856 г. в Лондоне, в России – в 1874 г., вошло в собрание сочинений Пушкина, начиная с 1880 г. Общеизвестным считается время написания стихотворения декабрь 1826 г. Пушкин передал его А. Г. Муравьевой, ехавшей в начале 1827 г. в ссылку к мужу, для передачи сосланным.

Нет единого мнения о времени написания стихотворения «Во глубине...» (конец 1826, начало 1827 или 1830-е годы); о времени появления его в Сибири (1827 или 1834 г.); о том, какое послание передал Пушкин вместе с поэмой «Цыганы» и главой «Евгения Онегина», – «Во глубине сибирских руд» или «Мой первый друг, мой друг бесценный», адресованное И. И. Пущину; привезла стихотворение А. Муравьева в рукописи или в печатном виде, предварительно издав его перед поездкой в Сибирь, как утверждает Пушкинская энциклопедия 1999 г.; было ли стихотворение А. Одоевского ответом на послание «Во глубине...» или оно возникло на основе ассоциативных образов виньетки на обложке «Цыган» с изображением разорванных цепей, кинжала, опрокинутой чаши с обвинившей змеей; было ли написано наиболее интригующее слово *меч* в оригинале стихотворения или дописано позже, как утверждал С. А. Соболевский; было ли Пушкиным написано стихотворение «О чем, приятель, ты хлопчешь!» с объяснением того, как нужно понимать смысл стихотворения «Во глубине...», как об этом вспоминает Д. И. Завалишин, или нет? Эти многочисленные вопросы, связанные с историей стихотворения «Во глубине...» возникают на основании противоречивых сведений о времени написания стихотворения и обстоятельствах появления его в Сибири в воспоминаниях декабристов и их ближайшего окружения. Анализ свидетельств современников Пушкина о стихотворении «Во глубине...» привело С. А. Фомичева к написанию полемической статьи, в которой он выстраивает цепь событий, связанных с историей стихотворения: в мае 1827 г. вместе с поэмой «Цыганы» и книгами пересылает стихотворение «Мой первый друг, мой друг бесценный» — основанием для написания стихотворения «Струн вещих пламенные звуки» А. И. Одоевским послужил образный ряд виньетки на обложке «Цыган» — стихотворение А. И. Одоевского доходит до Пушкина не ранее 1829 г., может быть, даже в устной передаче — в 1830-е г. Пушкин пишет ответ на стихотворение А. И. Одоевского, «переосмыслив строку «Мечи скуем мы из оков», возможно, в пору Болдинской осени или еще позже, в 1834 г. — следствием того, что послание «Во глубине...» дошло в Сибирь гораздо позже совершившихся событий, в памяти декабристов закрепляется легенда о том, что в 1827 г. было послано не стихотворение «Мой первый друг...», а «Во глубине...» — в 1856 г. А. И. Герцен публикует «Во глубине...», годом

позже выходит как анонимное стихотворение А. И. Одоевского «Струн вещих...». Многочисленные списки с герценовских публикаций закрепляют обратную связь послания и ответа (Фомичев, 185). Смелая версия С. А. Фомичева не нашла поддержки у пушкинистов, но она раскрывает многие загадочные моменты в истории стихотворения Пушкина.

Интерпретация текста читателем, его декодирование и осмысление на идеальном уровне является нереальным, т. к. автор и читатель, даже живущие в одном временном срезе и пользующиеся одним естественным языком, не обладают «тождественным кодом»: у них не совпадает языковой опыт, объем языковой памяти, по разному проявляется активность речевой деятельности. Расхождение еще более усиливается, если время создания текста и его восприятия разделяется рамками, разводящими автора и читателя по разным культурным традициям и периодам языкового развития (Лотман Ю. М. Текст как смыслопорождающее устройство // Ю. М. Лотман Семиосфера. СПб.: Искусство, 2000. С. 157, 164)

С. А. Фомичев: Пушкин не отступал от высокого завета о назначении поэта, развивая в «Пророке», подчеркивая верность своим идеалом в стихотворении «Орион», «Во глубине сибирских руд» (Фомичев С. А. Пушкин Александр Сергеевич // Русские писатели. Библиографический словарь. М.: Просвещение, 1990, с. 177. Т. 2.).

Вызывает некоторое недоумение, почему это стихотворение, поражающее глубиной смысла и филигранной художественной формой, «языковой упаковкой», не анализируется в классических работах пушкинистов. Возникает чувство некоторой недоговоренности. Стихотворение не упоминается Б. В. Томашевским в работе, посвященной исследованию лирики Пушкина (Томашевский Б. В. Пушкин. Работы разных лет. М., 1999). Ю. М. Лотман в своем классическом исследовании «Александр Сергеевич Пушкин. Биография писателя» (1991) ограничивается только следующим соображением: Основным вопросом, требовавшим осмысления, были итоги декабристского движения. Первой и непосредственной реакцией явилось чувство эмоциональной солидарности с жертвами правительственного террора. Пушкин не переставал подчеркивать свою озабоченность судьбой декабристов и не боялся неоднократно напоминать о них царю. 26 декабря 1826 г. на вечере у Зинаиды Александровны Волконской – хозяйки аристократического салона, который был своеобразным культурным очагом в последекабрьской Москве, – Пушкин встретился с отправлявшейся в Сибирь за мужем Марией Волконской. Позже она вспоминала: «Во время добровольного изгнания нас, жен сосланных в Сибирь, он был полон самого искреннего восхищения: он хотел мне передать мне свое «Послание к узникам» («Во глубине сибирских руд») для вручения им, но я уехала в ту же ночь, и он передал его Александре Муравьевой (Лотман Ю. С. Александр Сергеевич Пушкин. Биография писателя. Статьи и заметки 1960–1990.»Евгений Онегин2: комментарии. СПб.: Искусство, 1995). Е. А. Маймин: «Послание в Сибирь» заставляет вспомнить раннюю вольнолюбивую лирику Пушкина, оно написано в духе первого послания

Пушкина к Чаадаеву. Точно литым, полнозвучным поэтическим словом оно утверждает высшие человеческие ценности: «высокое стремление дум», «гордость», «любовь и дружество», «свободу». Пушкин никогда не изменял своим высоким верованиям и своим друзьям, которые сделались мучениками свободы (Маймин Е. А. Пушкин. Жизнь и творчество. М.: Наука, 1982, с 124).

При жизни автора напечатано не было. Автографа не сохранилось. Из всех указанных списков стихотворения (22) наиболее авторитетным признается список, принадлежащий И. И. Пущину, который положен в основу изданий. Опубликовано за границей в 1856 г., полностью в России в 1874 г. в собрание сочинений Пушкина входит, начиная с первого издания 1880 (Пушкин. М., 1999. т. 3, кн. 2, с. 1137–1139).

Стихотворение обращено к сосланным на каторгу в Сибирь декабристам. Было напечатано в начале 1827 г.. А. Г. Муравьевой, отправлявшейся к мужу Н. М. Муравьеву в Сибирь. На послание Пушкина отвечал поэт-декабрист А. И. Одоевский. При жизни Пушкина ответ не печатался. (Пушкинская энциклопедия. М.: Изд-во АСТ, 1999, с. 689–690).

Л. Г.Мощенская (г. Минск)

Медленное чтение и интерпретация текста (на материале «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» Н. В. Гоголя

В свое время Б. В. Томашевский доказывал несостоятельность метода медленного чтения разработанного Гершензоном и апробированного им применительно к произведениям Пушкина. В медленном чтении нарушается ритм стихотворной речи; фраза отягощается смыслами, которые вытекают из контекста; возникают субъективные паразитические ассоциации, не являющиеся результатом взаимодействия автора и читателя; «упаковочный материал» выдвигается на первый план, что приводит к переоценке слов и перегрузке значений; устанавливаются фиктивные корреляции между внешне схожими элементами художественных произведений; переоцениваются вторичные признаки; эстетический объект подменяется психологическим: вместо изучения художественного значения произведения анализируется психологическая личность автора; искажается соразмерность частей произведения, что может превратить прозрачное произведение в ребус, загадочную картинку (1, 64–70).

Нет идеального метода изучения художественного текста, каждый из них имеет свою силу и слабую стороны. Определенная доля субъективности присутствует в любом научном исследовании, особенно художественных произведений, на которое неизбежно накладывающийся отпечаток мировосприятия и самого исследователя. И все же метод медленного чтения имеет много достоинств. Только путем медленного, внимательного, неоднократного прочтения текста вдумчивый читатель может проникнуть в его изобразительное пространство (город, село, «вещный» мир, занятия, досуг, развлечения, пейзажные структуры, соотношения хронотопа и исторического времени) и знаковое (язык, универсальные приемы изобразительности и выразительности, символы, мифологемы), персонажный слой, мир авторских ощущений и пр. Медленное чтение приводит к выявлению повторяющегося цитатного слоя текста, но каждый повтор раскрывает некий новый

аспект в фрагментах, и сам факт повтора свидетельствует об особой их роли в смысловом пространстве текста. Оно помогает воспринимающему сознанию глубже проникнуть в текстовое и внетекстовое пространство, потому что многие детали при обычном чтении остаются незамеченными читателем, и он не может в большей степени приблизиться к адекватному декодированию авторского текста, выявлению его смысловой и формальной структуры. Продуктивность метода медленного чтения при изучении художественных текстов подтверждена прекрасными работами В. Н. Топорова (2002).

Только медленное чтение может раскрыть несбалансированность космоса Миргорода и его составляющих в “Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем” Н. В. Гоголя, которая зашифрована автором в двух эпиграфах, относящихся ко всему циклу повестей “Миргород”: 1. *Миргород нарочито невеликий при реке Хороле город. Имеет 1 канатную фабрику, кирпичный завод, 4 водных и 45 ветряных мельниц (География Зябловского).* 2. *Хотя в Миргороде пекутся бублики из черного теста, но довольно вкусны (Из записок одного путешественника).* Эпиграфы приводили и, возможно, приводят в недоумение критиков и исследователей творчества Н. В. Гоголя. Критик П. И. Юркевич (1835) писал, что автор придал книге “два самые страшные эпиграфа. <...> Нынче в моде щеголять странностью эпиграфов, которые не имеют ни малейшего отношения к книге” [3, 106]. Можно не согласиться с критиком, т. к. эпиграфы имеют с содержанием Повести, несмотря на то, что некоторые составляющие вещного мира (канатная фабрика, кирпичный завод) в ней отсутствуют. В тексте есть упоминания о бубликах, которыми Иван Иванович угощает Гапкиных детей, и опосредованно присутствуют мельницы. Хозяйственный Иван Иванович поставляет муку в городской магазин, а обыватели любят играть в “мельники”. Однополярность культурного пространства Миргорода, представленная только рациональной составляющей, прогнозируется эпиграфами, которые органически входят в семантическую и образную структуру произведения. На наш взгляд, не совсем точно определяет идейное, смысловое значение эпиграфов к “Миргороду” и современный исследователь творчества Н. В. Гоголя И. Виноградов: они “призваны как бы документально засвидетельствовать “простоту” и при этом подчеркнуть самодостаточность миргородского быта” [3, 118]. Вся логика Повести приводит к убеждению, что бытовой мир без духовной составляющей не может быть самодостаточным, не может развиваться, неизбежно приводит к краху мироздания Миргорода в целом.

Рациональная сторона миргородского пространства раскрыта в Повести очень убедительно. Читателю создается полное представление о частных и общественных домах Миргорода, о хозяйственных постройках; крышах, крытых соломой, очеретом и даже железом; узких улицах, украшенных репейниками; плетнях (*везде прекрасный плетень; на нем вьется хмель, на нем висят горшки*); домашней птице и животных; овощах и фруктах; почтенных граждан и простых обывателях; о еде, разных способах настаивания водок и марок вин (*пироги со сметаной, мнишечки со сметане, утрибок, индейка со сливами и изюмом, борщ с голубями, балык, икра, селедка; персик, вишня, шафранная, настоящая на золототысячник* и пр.); о своеобразных ритуалах чаепития, съедении дынь; угощения табаком из табакерок, рожков, кисетов, который большинство обитателей нюхают; о том, кто, например судья, нюхал и курил; об одежде почтенных жителей и их крепостных слуг; о средствах передвижения на разнообразных бричках, повозках и подобиях карет; о времяпрепровождении (*лежат, ходят друг к другу в гости на рюмку водки, ловят перепелов, делают деревянную посуду* и пр.); о разговорах на самые занимательные темы (*о погоде, о собаках, о пшенице, о чепчиках, о жеребцах; о славном дрозде, который стал картавить, хрипеть, – и в конце концов выбрось* и пр.). Читатели имеют полное представление о работе уездного суда (В часы присутствия судья занимается занимательными разговорами с подсудком, подписывает решения, совершенно вслушиваясь в суть дела; после заседания канцелярские укладывают в мешок нанесенных просимых).

кур, яиц, краях хлеба, пирогов, книшей, и прочего дрязгу) и губернской палаты; исполн служебного долга городничим и обывателями (*Мой долг – повиноваться требова правительства; Мой долг, словом, обязанность требует смотреть за чистотою; за порядк благочиния; но свиней и козлов я еще в прошлом году дал предписание не пускать на публи площади. Которое предписание тогда же приказал прочитат изустно, в собрании, перед ц народом*). Все эти детали общественной, социальной и бытовой жизни Миргорода пронизыв культурное пространство текста и складываются в великолепное целостное мозаичное пол ювелирной изобразительности и выразительности.

Духовный полюс в культурном пространстве Миргорода элиминирован. Из сферы просвещ и музыкального искусства в тексте упоминается книга и скрипка. В городе имеется единственная книга, печатанная у Любиа Гария и Попова, без названия, потому что девка очень давно оторвала верхнюю часть заглавного листка, забавляя дитя, которую в свободное в постоянно читает самый просвещенный обыватель Иван Иванович и не может прочесть. Хозяи скрипки недолгое время был Антон Прокофьевич, променявший своих лошадей на скрип дворовую девку, потом скрипку продал, а девку променял на кисет сафьянный с золот культурном пространстве Повести отсутствуют школа, библиотека, газеты, книги, а между т реальном Миргороде, как уездном городе, должна была существовать культурная сред образовательные учреждения. Недаром жители Миргорода возмущались Повестью Н. Н. Го “Как! Миргородский уезд произвел до тридцати генералов, адмиралов, минист путешественников вокруг света <...>, проповедников <...>, водевилиста, который начал пи водевили, когда их не писали и в Париже», а писатель изобразил их, как “будто бы они глуп невежественнее всех в Полтавской губернии” [3, 110].

Миргород – православный город, но религиозные чувства обывателей формал христианскими делами и приращением своей духовности они не занимаются. Самый богомол обыватель Миргорода Иван Иванович Перерепенко, бывший семинарист и попович, ка воскресение посещает церковную службу (литургию), на клиросе *очень хорошо подтягивает ба* но совершенно не в состоянии *по своей скаредности* подать милостыню хотя бы одному нищему подходит к каждому из них с одними и теми же расспросами, удовлетворяя свое неиссяка любопытство и разжигая надежду на помощь у голодного человека (*откуда ты – чего же пришла сюда – разве тебе хочется хлеба – может, и мяса хочется – разве мясо лучше хле ступай же с Богом – ведь я тебя не бью*) и возвращается домой. Богобязненный Иван Иван живет в грехе с незаконной девкой Гапкой, у которой неизвестно откуда появляются дети, а никогда не был женат и детей не имеет. Оба друга считают православную веру единств праведной, и прежде чем купить у жида эликсир против блох, всегда *выбранят <...> его хороше за то, что исповедует еврейскую веру*. И разговор двух приятелей о внешнеполитических собы России также характеризует их преданность своей вере (– *<...> три короля объявили войну н нашему, <...> хотят, чтобы мы все приняли турецкую веру. – Вишь, дурни, чего захотели! – видите, а царь наш нет, говорит, примите вы сами веру Христову!*). Бездуховная жизнь порожд мелочную ссору, разрушившую идиллическую жизнь миргородской социальной элиты. Г неспособны к христианскому прощению обиды. Последний раз повествователь встречает бын приятелей осенью в церкви Трех Святителей – Василия Великого, Григория Богослова и Ио Златоуста, обладающих великою силою примирения враждующих сторон, т. к. святители ч несколько столетий после своего успения устранили распрю о них среди православных христи Константинополе в XI в. Но и в святом месте Иван Иванович и Иван Никифорович продолж враждовать.

Только медленное чтение позволяет проникнуть во временное пространство Повести, соотнести его с реальным, историческим. Два почтенных мужа, честь и украшение Миргорода поссорились летом 1810 г. *Июля 7 дня* Иван Иванович *подал позов* на Ивана Никифоровича. В течение двадцати лет эта тяжба разъедает жизнь города. За это время отгремела Отечественная война 1812 г., русские войска вернулись из Парижа, произошли события 25 декабря 1825 г., восстание в Польше, а два Ивана и все миргородские обыватели не имеют ни малейшего представления о внешних событиях, свершившихся в стране. На историческом фоне особую символическую значимость приобретают «политическая» беседа двух героев перед ссорой о трех королях (в историческом времени уже произошли сражения под Шенграбеном и Аустерлицем объединенных армий Австрии, Германии и России с Наполеоном). Несбалансированность культурного пространства является основным признаком, определяющим все последующие характеристики миргородского космоса, которые полностью осознаются только в процессе медленного чтения.

Резко изменившаяся эмоциональная шкала текста от беззаботно-восторженного восприятия жизни, сфокусированного в описании замечательной бекешки, до горестного раздумья о безысходности человеческого существования, основанного только на ценностях вещного мира, составляет эмоциональный тон повествования.

Бездуховное существование Миргорода символизирует отрицательный опыт развития однополюсной культуры и выражает авторскую идею о необходимости духовной жизни и истинной христианской любви.

Интерпретация текста читателем, его декодирование и осмысление на идеальном уровне является нереальным, т. к. автор и читатель, даже живущие в одном временном средине, пользуясь одним естественным языком, не обладают «тождественным кодом»: у них не совпадает языковой опыт, объем языковой памяти, по-разному проявляется активность речевой деятельности. Расхождение еще более усиливается, если время создания текста и его восприятия разделяется рамками, разводящими автора и читателя по разным культурным традициям и периодам языкового развития (4, 147). И тем не менее по сравнению с про-чтением медленное чтение приближает читателя к недостижимому уровню интерпретации художественного текста адекватно авторскому замыслу.

Литература

1. Томашевский Б. В. Интерпретация Пушкина // Томашевский Б. В. Пушкин. Работы разных лет. – М., 1990. – С. 64–70.
2. Топоров В. Н. Древнеиндийская драма Шудраки «Глиняная повозка»: Приглашение к медленному чтению. – М.: Наука, 1998. – 414 с. и др.
3. Виноградов И. А. Гоголь – художник и мыслитель. Христианские основы мирозерцания. М.: ИМЛИ РАН «Наследие», 2000.
4. Лотман Ю. М. Текст как смыслопорождающее устройство // Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: Искусство, 2000.
- 5.